

Профессор Драга Мاستилович, доктор наук

Восточно-Сараевский университет

Институт исторических наук

«Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995)»

автор – академик Елена Юрьевна Гуськова

Книга академика Елены Гуськовой «Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995)» написана в результате десятилетий систематических и целенаправленных исследований, в первую очередь истории югославского кризиса 1990-х годов, чему автор посвятила значительную часть своей научной карьеры. Основываясь на тщательном исследовании архивных материалов, возможности использования литературы на разных языках, а также опираясь на собственный опыт, полученный в качестве члена миссии СООНО на Балканах, можно сказать, что перед нами книга одного из лучших знатоков истории югославского кризиса, то есть разрушения и кровавого исчезновения Социалистической Федеративной Республики Югославии.

На этот раз академик Елена Гуськова порадовала нас новой монографией, в которой она осветила этапы развития внешней политики Советского Союза в отношении Балкан, а именно в последние годы существования этой страны и в первые годы новой России, то есть в период с 1985 по 1995 гг., во время правления Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, и особенно во второй период, когда внешней политикой России на посту министра иностранных дел руководил Андрей Козырев.

Опираясь на впечатляющую эвристическую основу, прежде всего на оригинальные архивные материалы из сербских и российских архивов и институтов, а также на адекватную литературу, данная монография Елены Гуськовой проливает свет на сбивающее с толку поведение российской дипломатии в годы югославского кризиса. Хотя отношения между СССР и СФРЮ после Второй мировой войны были нестабильными и варьировались от периода значительного сближения до серьезных кризисов, автор выделяет два основных момента во внешней политике Советского Союза, определивших его дипломатию в период югославского кризиса. Прежде всего, с приходом к власти Михаила Горбачева процесс перестройки в российской внешней и внутренней политике начался с того, что его сотрудники считали, что он поднял перестройку до уровня «революции в революции», которая, по словам Елены Гуськовой, закончилась раньше, чем началась, «и на смену ей пришла бесконечная импровизация внутри импровизации». Перестройка во внешней политике Михаила Горбачева включала одновременно несколько стратегических направлений, а именно снижение напряженности в отношениях Восток-Запад, особенно между СССР и США, замедление гонки вооружений, полную нормализацию отношений с Китаем и иной подход в отношениях со странами социалистического блока, что также означало, что они ведут независимую политику в соответствии со своими интересами. Визит Горбачева в Югославию в 1988 году пробудил среди югославских коммунистов надежду на то, что они смогут рассчитывать на помощь и поддержку СССР в сохранении Югославии в случае новых политических затруднений и усугубления кризиса. С другой стороны, то, что он увидел в Югославии, которая уже столкнулась с ослаблением федерации и

сепаратизмом своих республик, привело Горбачева к выводу, что югославского опыта следует «избегать», а проблему суверенитета республик необходимо «тщательно проанализировать».

Однако именно этого Горбачеву не удалось избежать в своей стране, поскольку перестройка во внутренней политике превратилась в хаотичный переход к многопартийной системе, сопровождавшийся финансовым и рыночным коллапсом. «И придя к власти без четко продуманной концепции», по словам его соратника Валентина Фалина, «Горбачев начал импровизировать». Гуськова приходит к выводу, что именно эти импровизации «дорого обошлись СССР» – это касается и внешней политики.

Горбачев, почувствовав, что теряет позиции в собственной стране, стал обращаться к западным лидерам с просьбами об экономической и финансовой помощи, что сильно ограничивало независимость действий и ставило СССР в положение «поддержки США и подчинения внешнеполитическим интересам администрации США во многих вопросах», как справедливо отмечает автор. Таким образом, хотя советское руководство официально и выступало за сохранение независимости, суверенитета и целостности СФРЮ, под давлением Запада оно согласилось на эмбарго на ввоз оружия в СФРЮ и проголосовало за резолюцию, запрещающую поставки оружия в Югославию на сессии Совета Безопасности, что практически означало отказ от военной помощи Югославской народной армии.

Одновременно с процессом распада Югославской Федерации начался и процесс распада Советского Союза, поэтому югославские сепаратистские республики Словения и Хорватия, помимо безоговорочной поддержки некоторых западных держав, прежде всего Германии, нашли поддержку своим сепаратистским действиям в советских республиках и даже в Российской Советской Федеративной Республике во главе с ее лидером Борисом Ельциным, ярким противником СССР. С другой стороны, все более очевидной становилась неспособность советских центральных властей справиться с ситуацией в собственной стране, а затем представлять собой более серьезный фактор в международной политике, находясь все в большей зависимости от западных государств. Так, например, на вопрос Велько Кадиевича, тогдашнего министра обороны СФРЮ, сможет ли СССР оказать поддержку Югославии в случае военной интервенции Запада и сможет ли она поставить столь необходимое оружие, он в обоих случаях получил отрицательный ответ. Гуськова делает вывод, что уже тогда начинается та роль России в международных отношениях на Балканах, которая будет у нее в предстоящий период, во времена министра иностранных дел Андрея Козырева, и которую ей успешно навязывает Запад. По словам Гуськовой, это была роль «убедить упорный Белград принять предложения представителей западных стран, Ватикана и международных организаций».

Благодаря первоклассным историческим источникам, прочно подкрепленным научной эрудицией, ставшей результатом огромного исследовательского труда, Гуськова полностью разгадывает следующий этап российской внешней политики в отношении Балкан, когда министром иностранных дел был Андрей Козырев. Представляя личность Козырева, Гуськова без колебаний приходит к выводу, что он был идеальным типом российского министра иностранных дел для западных государств, то есть был «западным человеком в Кремле» или, как остроумно отметила Гуськова в одном

заголовке, он был «нашим министром их иностранных дел». Воспользовавшись тем, что Ельцин совершенно не интересовался внешней политикой и безоговорочно доверял ему, Козырев вскоре взял все узды внешней политики в свои руки. С другой стороны, полностью очарованный Западом, он был беспрекословно готов сотрудничать и даже, как указывает автор, «выполнять всевозможные просьбы и приказы». Это привело к различным последствиям: он чуть не отдал японцам Курильские острова, полностью приостановил ввоз «коммунистического» сахара с Кубы в Россию, настаивал на скорейшем выводе российской армии из Германии, не прося ничего взамен, и что, пожалуй, хуже всего, он различными способами способствовал расширению НАТО на восток. И последствия такой внешней политики Козырева, и особенно его твердой веры в то, что НАТО не является врагом России, лучше всего видны сегодня.

Что Сербия и сербский народ могли ожидать от такого министра иностранных дел России в самые тяжелые моменты 90-х годов. Его роль в югославском кризисе возможно лучше всего оценил Добрица Чосич, который после встречи с Козыревым записал в своем дневнике: «Бледная, холодная, конвенциональная личность. Даже глаза этого человека не внушают доверия. Он представляется дипломатом великой державы, но по своим представлениям является лишь курьером Запада. Посредничает, но безрезультатно. Я не верю в роль русских». А роль Андрея Козырева заключалась в том, что Россия в югославском кризисе, по словам российского дипломата Анатолия Адамишина: «Схематически, односторонне и примитивно следует Западу».

Кроме того, Гуськова отмечает и некоторые другие особенности дипломатической работы Андрея Козырева, когда речь шла о Балканах, например, его склонность не информировать о балканских вопросах начальство, например, Верховный Совет или Правительство Российской Федерации. Он делился информацией только с президентом Ельциным, причем дозировал ее таким образом, чтобы до того доходили только те вещи, которые представляли сербов и Сербию в худшем виде. Например, он спрятал телеграмму российского посла в Риме Адамишина, который предлагал России не вводить санкции против СР Югославии, то есть Сербии и Черногории, в 1992 году и считал, что «мы не должны отказываться от нашего традиционного союзника – Сербии... потому что если Россия предаст сербов, это останется в исторической памяти». Точно так же телеграмма, которую представитель России в Совбезе Юрий Воронцов разослал по 37 адресам в ночь перед введением санкций в отношении Сербии и Черногории, 30 мая 1992 года, так и не дошла до тех, кому она была адресована, а сам Козырева, вероятно, сообщив об этом только Ельцину, дал указание Воронцову проголосовать за введение санкций. Позднее Ельцин не получал и письма Слободана Милошевича, Радована Караджича, Ратко Младича и других сербских лидеров. И резкие протесты российских депутатов, членов Верховного Совета, учёных, деятелей культуры и общественной жизни и даже людей на улицах Москвы оказались напрасными. Козырев не отказался от своей «антисербской линии МИД».

Еще одна особенность Козырева, которую отмечает Елена Гуськова, — это его двуличность в проведении внешней политики по отношению к сербам, что выражалось в уверениях российской общественности в том, что Россия делает все для защиты Сербии и сербского народа, а на практике действовал с антисербской позиции, то есть в полном согласии с врагами Сербии и сербского народа. Именно поэтому, по мнению Гуськовой, когда речь идет о Сербии и сербском народе главной характеристикой

министра Козырева было «обещание поддержки Белграду в обмен на уступки, но не выполнение своих обещаний и не оказание поддержки». Без малейшего колебания Елена Гуськова приходит к выводу: «Зная о доверии сербов к России, Запад попросил Москву заставить сербов согласиться выполнить все ее приказы и ультиматумы. Козырев с благодарностью принял предложенную России унижительную роль... Козырев лгал, когда говорил о долгосрочных интересах России на Балканах, о дружеских чувствах к сербам, когда обещал снять санкции или говорил о борьбе за справедливость». И он не отказался от этого направления даже в последующие годы. Так, например, на слова Виталия Чуркина, специального представителя президента России по бывшей Югославии, в апреле 1993 года Козырев отреагировал словами: «Чуркин плохо себя ведет, его надо образумить». И действительно, Козырев и Ельцин не только «вразумили» Чуркина, но и всех, кто представлял оппозицию в Верховном Совете и Парламенте. Осенью 1993 года Ельцин и Козырев танковой атакой на собственный парламент и кровопролитием на улицах Москвы сломали сопротивление Верховного Совета и российского парламента их политике, при этом Козырев заявил, что это нужно было сделать давно.

Всю первую половину 1994 года Виталий Чуркин провел в дипломатических миссиях по оказанию давления на сербов, чтобы те выполнили пожелания Запада, прежде всего США, объявив вывод сербской артиллерии с позиций вокруг Сараево и прибытие батальона российских миротворцев, прекращение сербского контрнаступления в районе Горажде и открытие аэропорта в Тузле великими дипломатическими победами России. Однако на практике все это было поражением для сербов, которые согласились на уступки только по «просьбе» России, поскольку ни одно из обещаний, данных Чуркиным по многочисленным уступкам, не было выполнено. Вместо СООНО гору Игман заняли мусульманские силы, сербы остановили контрнаступление на Горажде и отозвали артиллерию, что позволило мусульманским силам избежать полного разгрома и перегруппировать свои силы, а через аэропорт в Тузле вместе с гуманитарной помощью стало поступать оружие для мусульманских сил, потому что условие, которое сербские лидеры выдвинули для открытия аэропорта – контроль прибывающих грузов сербскими и российскими офицерами – просто было проигнорировано Западом, причем не без ведома российских дипломатов. Все то время, пока Чуркин оказывал давление на сербских лидеров, НАТО и США наносили авиаудары по сербским позициям, не спрашивая ни Россию, ни Совбез. Таким образом, Чуркин добросовестно следовал дипломатической логике своего шефа Козырева, то есть, используя доверие сербов к России, заставил сербов выполнить все требования и ультиматумы Запада. Вторую половину 1994 года Козырев и Чуркин всячески оказывали давление на руководство Республики Сербской и Сербии с целью принятия плана демаркации Контактной группы, пока им не удалось убедить Милошевича установить эмбарго на Дрине, чтобы немного ослабить санкции в отношении ФР Югославии и тем самым полностью изолировать Республику Сербскую, что в итоге привело к резкому расколу между Пале и Белградом. С другой стороны, российская дипломатия прервала все контакты с руководством Республики Сербской, а кульминацией этого печального процесса стало голосование России в Совете Безопасности 19 ноября 1994 года за резолюцию 958, которая дала НАТО разрешение бомбить Сербскую Краину, якобы с целью защиты Бихача. Таким образом, отмечает Гуськова, Россия шаг за шагом окончательно утратила доверие, которым пользовалась у сербов все это время. Но даже

это не помешало генералу Ратко Младичу направить в январе 1995 года письмо поддержки министру обороны и начальнику Генерального штаба России в борьбе с «сепаратистскими мусульманскими силами Дудаева и исламскими наемниками» в Чечне, и предложить помощь российской армии в виде отправки отряда, как заявлено, «из лучших сербских сыновей в знак братства и моральной поддержки». Таким образом, как считает Гуськова, генерал Младич проявил искреннюю поддержку России и не предал боевое братство.

Пик антисербской дипломатии Андрея Козырева пришелся на 1995 год, когда, участвуя в переговорном процессе в Лондоне, он открыто заявил: «Либо мы должны вести настоящую войну в Боснии, либо искать политическое решение. Невозможно делать и то, и другое одновременно. У Запада нет стратегии, сербов невозможно сдерживать никакими авиаударами, это люди, перешедшие всякую меру [...] Вы не готовы к сухопутной войне, авиаудары не принесут победы, поэтому давайте выберем политическое решение. Это означает, что мы поддержим Милошевича против Караджича, не дадим мусульманам и хорватам возможности воевать друг с другом, потому что это выгодно только боснийским сербам. Они уже совершают преступления против мирного населения и могут устроить такую резню, которая потрясет весь мир». Поэтому Козырев, формально призывая к политическому решению, явно приглашал НАТО вступить в войну помимо авиаударов наземными частями на стороне боснийских мусульман, зная при этом, что НАТО уже приняло решение о формировании так называемых Сил быстрого реагирования численностью 12 000 солдат, преследовавших именно эту цель. Однако в 1995 году для Козырева начались плохие времена, поскольку даже президент Ельцин начал видеть пагубность его внешней политики, особенно в отношении расширения НАТО. Результатом стало резкое осуждение Ельциным активизации деятельности НАТО на Балканах и предложений Франции начать наземную операцию против Армии Республики Сербской, а затем воздержание России в Совете Безопасности по резолюции 998, которая одобрила размещение англо-французских сил быстрого реагирования в Боснии. Однако было уже поздно, поскольку, во многом благодаря дипломатии Андрея Козырева, Запад вообще больше не чувствовал необходимости спрашивать мнение России, и Америка полностью управляла международной игрой на Балканах. Именно поэтому возмущение России во время агрессии Хорватии против Республики Сербской Краины и Республики Сербской, а затем резкие заявления Сергея Лаврова на заседаниях Совета Безопасности против жестоких бомбардировок НАТО и прямого боевого участия сил НАТО против сербов в Боснии и Герцеговине никто на Западе не хотел слушать, не говоря уже о том, чтобы их исполнять.

В конце следует отметить, что академик Елена Юрьевна Гуськова написала еще один капитальный труд, который должен стать не только частью учебной литературы в сербских и российских университетах, но и частью домашних библиотек самой широкой читательской аудитории. Особенно подкупает ее ярко выраженная способность показывать всему миру сложные дипломатические игры так, чтобы они были понятны каждому. К тому же Гуськова – историк, которая говорит прямо и называет вещи своими именами. Например, она без колебаний называет преступления на улице Васы Мискина и на рынке Маркале провокациями мусульманского руководства, осуществленными в сотрудничестве с международными силами. Помимо вышесказанного, труды академика

Елены Гуськовой и особенно эта книга содержат многочисленные уроки и послания для нынешнего и будущих поколений. Поэтому, если история – учитель нашей жизни, то этот исторический урок Елены Гуськовой следует не пропустить, а выучить наизусть. Вот почему я считаю, что эта книга должна быть опубликована в Республике Сербской и быть доступна широкой читательской аудитории.